

DOI: 10.22363/2224-7580-2025-3-46-52

EDN: GCZPLH

ИНФИНИТИВ КАК ОСОБАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ

З.К. Тарланов

*Северный институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции
Российская Федерация, 185034, Республика Карелия, Петрозаводск,
ул. Онежской флотилии, д. 51*

Аннотация. Предметом рассмотрения в статье является проблема места и роли инфинитива в грамматической системе языка. Устанавливается противоречивость его грамматической природы в разных языках. С опорой на показания данных индоевропейских (славянских и романо-германских) и кавказских (дагестанских) языков доказывается, что в современных языках он представлен на разных стадиях его движения из именного пространства в глагольное, соединяя в себе некоторые признаки именных и глагольных классов слов. Констатируется, что инфинитив не является обязательным элементом в грамматической системе языка: есть языки, которые лишены инфинитива. Высказывается предположение, что в романо-германских языках инфинитив сохраняет свою именную природу, нейтральную по отношению к модальности. В русском языке инфинитив является одним из важных способов выражения модальности и поэтому справедливо было названо в русском языкознании неопределенным наклонением. В кавказских языках та же форма вписана тоже в глагольную систему, но не как модальное средство. Как и каждая существенная языковая категория, инфинитив безразличен в реализации этнической ментальности.

Ключевые слова: инфинитив, история, типология, грамматические категории, индоевропейские языки, русский язык, кавказские языки, метафизика, этноментальность

Общеизвестно, что инфинитив занимает совершенно особенное место в грамматической структуре разных языков, хотя эта особенность, насколько нам известно, специально и не обсуждалась, если не считать редких исключений. А.М. Пешковский характеризовал его как «загадочную по своему современному значению категорию глагола, которая в школе называется «неопределенным наклонением» [1. С. 128]. По грамматическому содержанию его обычно включают в глагольную систему в качестве начальной формы, аналогичной форме именительного падежа единственного числа как начальной формы субстантивного класса слов. Однако обсуждать вопрос о том, можно ли считать инфинитив начальной формой для глагольных слов или нет, не принято. Это некая некритически принимаемая традиция-аксиома в грамматиках соответствующих языков. В действительности же дело обстоит намного сложнее.

Сложность заключается, в частности, уже в том, что начальная форма имени не может отсутствовать в языках, в которых имеется категория падежа. Инфинитив же, наоборот, зафиксирован не во всех языках, в которых собственно глагол представлен достаточно широко в совокупности его грамматических категорий.

Есть языки, которым инфинитив как грамматическая категория или форма не свойствен. К языкам, лишенным инфинитива, относится, например, лезгинский язык среди дагестанских. Отсюда применительно к обсуждаемому вопросу следует хотя бы тот вывод, что инфинитив, не будучи обязательным компонентом грамматической системы языка, не может считаться начальной формой для какого-то, в данном случае для глагольного, класса слов.

Поэтому вполне понятно, что в существующей теоретической литературе разных языков место инфинитива среди именных и глагольных классов слов и категорий очерчено далеко неотчетливо. Применительно к хорошо изученным индоевропейским языкам считается доказанным, что по своему происхождению инфинитив – это имя существительное, субстантив, еще в доисторическое время трансформировавшийся в глагол. Переходя в глагол, праинфинитив терял свои именные признаки, включая и склонение, и приобретал глагольные категории вида, залога и наклонения.

Как это очевидно по данным тех же современных индоевропейских языков, инфинитив тем не менее сохраняет живую память о своем прошлом, выступая, в частности, в синтаксических функциях всех членов предложения, реально разделенных между именными и глагольными словами, а именно: в роли грамматического подлежащего (*Учиться – приятно*), грамматического сказуемого (*Жениться – перемениться* (Посл.)), дополнения (*– Я попрошу вас говорить по существу дела! – сухо заметил старичок* (Горький. *Мать*)), несогласованного определения (*Тоска у него мало-помалу вылилась... в мечту купить себе маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера* (Чех.)), обстоятельства (*Так люди (первый каюсь я) от делать нечего друзья* (Пушк.)), предиката односоставного инфинитивного предложения (*Быть беде!*).

В качестве соответствия неопределенного наклонения существительному Ф.И. Буслаев ссылался и на то, что «обе эти части речи старинные писатели не затруднялись соединять союзом *и* как одинаковые члены предложения: *Любят все (домашние слуги) властвовать и свою корысть* (Всякая всячина)» [2. С. 373]. В подтверждение той же мысли Ф.И. Буслаев ссылается и на данные немецкого и романских языков, в которых «неопределенное наклонение как существительное употребляется с членом и с предлогами и согласуется с прилагательными и местоимениями» [2. С. 373], см. также [1. С. 130].

Более того, в «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо с учетом, по-видимому, показаний тех же романо-германских языков инфинитив однозначно определяется как «*именная форма* (выделено нами. – З.Т.), главная функция которой выражает в чистом виде только процесс, обозначаемый глаголом» [3. С. 125–126].

Более убедительным и мотивированным представляется, однако, мнение А.А. Потебни, который, в частности, писал: «Несмотря на то, что в числе защитников совершенной номинальности этой формы (инфинитива. – *З.Т.*) были знаменитые в языкознании имена (напр., Бопп), в настоящее время можно считать решительно и прочно господствующим мнение, что инфинитив только был некогда именем, но не остался им, или, как говорят иначе, что он есть имя в этимологическом и род глагола в синтаксическом отношении» [4. С. 345].

Таким образом, одними исследователями на основе историко-генетических его характеристик инфинитив включается в состав именных (субстантивных) форм, а другими с учетом его характеристик в современных языках – в состав глагольных форм. Поэтому понятно, почему, определяя место инфинитива в современном русском языке, А.М. Пешковский считал возможным уподобить его то «глаголу, сделавшему один шаг по направлению к существительному», то существительному, не дошедшему на один шаг до глагола» [1. С. 131].

Что же касается места инфинитива в собственно глагольной сфере, то он в силу своей особо выраженной модальности ближе всего, как нам представляется, к наклонениям. Поэтому вполне правомерно уже первые исследователи русского языка квалифицировали его как «неопределенный образ» (Лаврентий Зизаний, 1596) в соответствии с латинским *modus infinitivus* – неопределенный способ [5. С. 135] или как «неопределенное наклонение» (Мелетий Смотрицкий, 1619) [6. С. 581]. М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» называл его «неокончательным наклонением» (1755) [7. С. 106]. Обозначение инфинитива как «неопределенного наклонения», противопоставляемого изъявительному и повелительному наклонениям в качестве «прямой формы глагола» (Н.И. Греч), соответствующей именительному падежу имен существительных, стало общей традицией для исследователей грамматики русского языка в XIX веке.

В целом, имея в виду процесс становления и развития инфинитива в качестве самобытного языкового феномена, можно предположить, что процесс этот еще не завершился и представлен в разных семьях и группах языков на разных стадиях его истории: в одних – с креном в сторону имени существительного – архаичная ступень (например, романо-германские языки), в других – с креном в сторону промежуточного, синкретичного феномена, но все более сливающегося с сегментом глагольной системы, обслуживающим модальность (например, русский язык и др.), в третьих – с абсолютно преобладающим креном в сторону глагола, глагольных наклонений (например, многие кавказские языки), в четвертых – с креном в сторону утраты, функционально замещаясь сходными и близкими языковыми феноменами (например, некоторые кавказские и другие языки).

В упомянутом выше лезгинском языке роль отсутствующего в нем инфинитива частично восполняется масдарной формой – отглагольным субстантивом (ср.: лезг.: *къарагъун* «вставание»), функционально приближенным к инфинитиву в других языках и обладающим полной парадигмой форм времени

индикатива и так называемых косвенных наклонений. О системе наклонений в восточнолезгинских языках см. [8. С. 762–777]. В близкородственном агульском языке представлен как инфинитив того же глагола *гъайшиас* «встать (вставать)», так и масдарные его формы – *гъайшиив*, *гъайшиива*л «вставание». Масдарные производные не имеют отношения к модальности. В модальном отношении нейтрален и агульский инфинитив, как, впрочем, и инфинитив во многих других языках, в том числе и в индоевропейских.

Отнесенность инфинитива к наклонениям в русском языке обуславливается прежде всего его яркой модальностью, контекстуально актуализирующейся как долженствование, необходимость, неизбежность, а также как категорический императив, адресованный второму лицу (ср.: *Молчать!*). Поэтому логичнее и адекватнее называть его в русской грамматике не инфинитивом в противопоставлении финитиву (изъявительному наклонению) по древнегреческой традиции, а неопределенным наклонением, как это было принято в русской грамматической традиции до конца XIX века [1. С. 131]. А.М. Пешковский неправ, утверждая, что инфинитив лишен отношения к деятелю, обозначая действие, «оторванное от своего деятеля, действие без всякого намека на деятеля» [1. С. 129–130]: инфинитивные предложения в русском языке, базирующиеся исключительно на инфинитивных формах, без дательного субъекта невозможны, см. подробнее [9. С. 41–59].

Чтобы найти принципиально адекватный ответ на вопрос о месте инфинитива в подсистеме глагольных наклонений, необходимо иметь в виду, что метафизически выявляемые и исчисляемые составляющие концепта «наклонение» в разных языках существенно разнятся по их количеству и содержательной насыщенности, обуславливаемой как историей соответствующих языков, так и этнофилософскими мировоззренческими представлениями их носителей об окружающей их действительности. Так, осмысление материализованных в современном русском языке средств выражения значений традиционно выделяемых в нем четырех наклонений – изъявительного, повелительного, условного и сослагательного предполагает непременное знакомство с историей форм времени глагола, падежных форм местоимений, историей личных и залоговых форм и т.д. Концепт «наклонение» в русской грамматике включает в себя семы 1) лица, 2) времени, 3) залога, 4) модальности, 5) числа, 6) каузативности, 7) воли (императивности), 8) включенности/невключенности в речь лиц, причастных к речевому акту, и др. Чтобы адекватно осмыслить предполагаемые метафизические составляющие сложных языковых категорий, можно исходить в качестве одного из допустимых приемов их анализа и из так называемой «практической парадигмы представления языка» в историко-теоретическом толковании Ю.С. Степанова, под которой имеется в виду философия эгоцентрических свойств, вытекающая из момента связи между языком и говорящим субъектом, представленная в философии языка позднего логического неопозитивизма, см. обзор в [10. С. 65–66].

Таким образом, понятие «наклонение» по данным русского языка – это сложный концепт, который, выражаясь языковыми средствами, дает субъекту речи возможность довести до адресата речи все разносторонние нюансы,

оттенки, тонкости, параметры сообщаемого для достижения максимального эффекта в процессе общения.

Для выявления способа выражения инфинитивной функции в сопоставительно рассматриваемом лезгинском языке обратимся к двум произвольно взятым глагольным словам вместе с их темпоральными формами, ср.:

Кхьин «письмо (писание) – ед. ч., *кхьинар* – мн. ч., *кхьида* «напишу (напишет, напишешь, напишут)» – буд. время; *кхьизва* «пишу, пишем, пишешь, пишет, пишут» – наст. время; *кхьена* «написал, написали» – прош. время; *кхьихь* «пиши, пишите» (2 л. пов. накл.); *кхьирай* «пусть напишет, пусть напишут» – 3 л. пов. накл; *кхьейтла* «если напишу (напишешь, напишет, напишут, напишем)» – форма условного наклонения;

Рахун «разговор» – ед. ч., *рахунар* – мн. ч., *рахада* «поговорю (поговорит, поговоришь поговорят, поговорим)» – буд. время; *рахазва* «говорю (говоришь, говорит, говорим, говорите, говорят) – наст. время и т.д. Ср. агульские соответствия приведенным лезгинским словам: лезг. *кхьин* – агульск. *ликIес* «писать, написать, лезг. *рахун* – агульск. *гъургъас* «говорить, разговаривать».

Эти же или близкие значения агульских инфинитивов в лезгинском языке частично выражаются деепричастными формами *кхьиз*, *рахаз*, ср.: *Физва кхьиз «иду (идем) писать*. Чертой, объединяющей агульские инфинитивы и лезгинские деепричастия, выражающие близкие значения, является отсутствие отнесенности к лицу. И в целом наклонения в этих языках за редкими исключениями почти нейтральны по отношению к категории лица, и в этом смысле рассматриваемые кавказские языки полярны русскому языку, в котором категории лица и наклонения тесно взаимодействуют между собой и со структурой предложения в целом [11. С. 48-53]. Связь между категориями лица и наклонения в дагестанских языках, в том числе и в рассматриваемых, выражается не в том, что они влияют на тип предложения, как это имеет место в русском языке, а в том, с какими формами лица соотносительны те или иные формы наклонений. Изъявительное, условное и сослагательное наклонения, как и в русском языке, используются во всех формах лица, повелительное и прохитив – со вторым и третьим лицами, волюнтарив – только в первом лице.

Подытоживая наблюдения над приведенными выше языковыми фактами, заметим, что аналога русского неопределенного наклонения в дагестанских языках, как и во многих других языках, нет, но есть инфинитив, лишенный модальных значений и выполняющий в предложении лишь функцию главным образом обстоятельства цели.

Инфинитивные же предложения в русском языке с их модальными возможностями ярко реализовывать субъективную и объективную неизбежность, долженствование и возможность представляют собой такой класс предложений, которые позволяют синтаксически объективировать саму модальность в качестве отдельной и самобытной семантической структуры, неразличной, по-видимому, и для этнопсихологической и этнофилософской картины мира носителей языка. Эти русские инфинитивные синтаксические конструкции также относятся к числу тех языковых явлений, которые

Т.Е. Владимирова, рассматривая некоторые общие проблемы историко-генетического типа в метафизическом аспекте, справедливо считает трудно переводимыми на другие, в частности на западноевропейские, языки по их содержательным и этноментальным характеристикам [12. С. 91].

Мы имеем здесь дело с тем, что наклонения, подобно и другим грамматическим категориям, в разных языках различаются, как справедливо заметил Боас, разными количествами аспектов, выражаемых ими в разных языках, но нельзя при этом пытаться непосредственно оценивать культуру с этих позиций [13. С. 233]. Дело, заметим, не только в количествах аспектов, аккумулируемых в соответствующих категориях, но и в том, на каких обобщениях они строятся изначально, увековечивая этнический опыт познания действительности.

Литература

- [1] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7-е. Москва : Госучпедгиз, 1956.
- [2] *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М.: Госучпедгиз, 1959.
- [3] *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. Москва : Издательство иностранной литературы, 1960.
- [4] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. Изд 2-е, испр. и доп. Харьков, 1889.
- [5] *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Просвещение, 1976.
- [6] *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва; Ленинград: Учпедгиз, 1947.
- [7] *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. Наставление четвертое. Санкт-Петербург, 1755.
- [8] *Тарланов З. К.* Тенденции в динамике глагольных наклонений в восточнолезгинских языках // Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. С. 762–777.
- [9] *Тарланов З. К.* Инфинитивные предложения и этапы их изучения в русском языке // З. К. Тарланов. Избранные работы по языкознанию и филологии. С. 41–59.
- [10] *Постовалова В. И.* «Диалектические тайны» языка. Лингвистические воззрения А.Ф. Лосева в современном гуманитарном познании // *Метафизика*. 2024. № 3. С. 60–84. DOI: 10/22363/2224-7580 2024-3-6-84
- [11] *Тарланов З. К.* Лицо, наклонение и предложение как взаимно соотнесенные языковые категории // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2023. Т. 45, № 4. С. 48–53.
- [12] *Владимирова Т. Е.* Русский язык: попытка метафизического осмысления // *Метафизика*. 2024, № 3. С. 85–93. DOI: 10.22363/2224-7580-2024-3-85-93
- [13] *Яacobсон Роман.* Взгляды Боаса на грамматическое значение // Роман Яacobсон. Избранные работы. Переводы с английского, немецкого, французского языков / сост. и общ. ред. доктора филологических наук В. А. Звегинцева. Предисловие доктора филологических наук Вяч. Вс. Иванова. Москва : Прогресс, 1985.

INFINITIVE AS A SPECIAL GRAMMATICAL CATEGORY IN LANGUAGES OF DIFFERENT SYSTEMS

Z.K. Tarlanov

*Northern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
51 Onezhskoy Flotilii St, Petrozavodsk, 185034, Republic of Karelia,
Russian Federation*

Abstract. The inconsistency of its grammatical nature in different languages is established by means of the testimony of the data of Indo-European (Slavic and Romano-German) and Caucasian (Dagestan) languages. They prove that in modern languages it is represented at different stages of its change from the named space to the verb, combining some signs of the personalized and verb classes of words. It is stated that the infinitive is not an obligatory element in the grammatical system of a language: with no infinitive at all. It is suggested that in the Romano-Germanic languages the infinitive retains its nominal nature, neutral with respect to modality. Russian linguists consider the infinitive to be one of the most important ways of expressing modality, and therefore it has been rightly called the indefinite mood in Russian linguistics. In the Caucasian languages, the same form is also incorporated into the verbal system, but not as a modal means. Like every significant language category, the infinitive is not indifferent to the realization of ethnic mentality.

Keywords: infinitive, history, typology, grammatical categories, Indo-European languages, Russian, Caucasian languages, metaphysics, ethnomentality